

84Р6
А72

В
К
ТОР
Д
РА
Г
УН
С
К
ИИ

ЗАКОЛДОВАННАЯ буква

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"МАЛЫШ"
1965

Виктор Драгунский

54

84РВ

Д.72

ИЗДАТЕЛЬСТВО

184085

"Малыш"

Законодательная

БУКВА

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск
МОСКВА • 1965

ОН ЖИВОЙ И СВЕТИТСЯ...

Однажды вечером я сидел во дворе возле песка и ждал маму. Она, наверное, задерживалась в институте или в магазине, или, может быть, долго стояла на автобусной остановке. Не знаю. Только все родители нашего двора уже пришли, и все ребята пошли с ними по домам и уже, наверное, пили чай с бубликами и брынзой, а моей мамы всё ещё не было...

И вот уже стали зажигаться в окнах огоньки, и радио заиграло музыку, и в небе задвигались тёмные облака. Они были похожи на бородатых стариков.

И мне захотелось есть, а мамы всё не было, и я подумал, что если бы я знал, что моя мама хочет есть и ждёт меня где-то на краю света, я бы со всех ног к ней побежал, а не опаздывал бы и не заставлял её сидеть на песке и скучать.

И в это время во двор вышел Мишка. Он сказал:

— Здорово!

И я сказал:

— Здорово!

Мишка сел рядом со мной и взял в руки самосвал.

— Ого! — сказал Мишка. — Где достал? А он сам набирает песок? Не сам? А сам сваливает? Да? А ручка? Для чего она? Её можно вертеть? Да? А? Ого! Дашь мне его домой?

Я сказал:

— Нет, домой не дам. Подарок. Папа подарил перед отъездом.

Мишка надулся и отодвинулся от меня. На дворе стало ещё темнее. Я смотрел на ворота, чтоб не пропустить, когда придёт мама. Но она всё не шла. Видно, встретила тётю Розу, и они стоят и разговаривают и даже не думают про меня. Я лёг на песок.

Тут Мишка говорит:

— Не дашь самосвал?

Я говорю:

— Отвяжись, Мишка.

Тогда Мишка говорит:

— Я тебе за него могу дать одну Гватемалу и два Барбадоса!

Я говорю:

— Сравнил Барбадос с самосвалом...

А Мишка:

— Ну хочешь, я дам тебе плавательный круг?

Я говорю:

— Он у тебя лопнутый.

А Мишка:

— Ты его заклеишь!

Я даже рассердился:

— А плавать где? В ванной? По вторникам?

И Мишка опять надулся. А потом говорит:

— Ну была не была! Знай мою доброту! На!

И он протянул мне коробочку от спичек. Я взял её в руки.

— Ты открой её, — сказал Мишка, — тогда увидишь!

Я открыл коробочку и сперва ничего не увидел, а потом увидел маленький светло-зелёный огонёк, как будто где-то далеко-далеко от меня горела крошечная звёздочка, и в то же время я сам держал её сейчас в руках.

— Что это, Мишка, — сказал я шёпотом, — что это такое?

— Это светлячок, — сказал Мишка. — Что, хорош? Он живой, не думай.

— Мишка, — сказал я, — бери мой самосвал, хочешь? Навсегда бери, насовсем! А мне отдай эту звёздочку, я её домой возьму...

И Мишка схватил мой самосвал и побежал домой. А я остался со своим светлячком, глядел на него, глядел и никак не мог наглядеться: какой он зелёный, словно в сказке, и как он, хоть и близко, на ладони, а светит, словно издалека... И я не мог ровно дышать, и я слышал, как быстро стучит моё сердце и чуть-чуть колело в носу, как будто хотелось плакать.

И я долго так сидел, очень долго. И никого не было вокруг. И я забыл про всех на белом свете.

Но тут пришла мама, и я очень обрадовался, и мы пошли домой.

А когда стали пить чай с бубликами и брынзой, мама спросила:

— Ну, как твой самосвал?

А я сказал:

— Я, мама, променял его.

Мама сказала:

— Интересно! А на что?

Я ответил:

— На светлячка! Вот он в коробочке живёт. Погаси-ка свет!

И мама погасила свет, и в комнате стало темно,

а мы стали вдвоём смотреть на бледно-зелёную звёздочку.

Потом мама зажгла свет.

— Да, — сказала она, — это волшебство! Но всё-таки как ты решился отдать такую ценную вещь, как самосвал, за этого червячка?

— Я так долго ждал тебя, — сказал я, — и мне было так скучно, а этот светлячок, он оказался лучше любого самосвала на свете.

Мама пристально посмотрела на меня и спросила:

— А чем же, чем же именно он лучше?

Я сказал:

— Да как же ты не понимаешь? Ведь он живой! И светится!..

О. К. Т. Е. А.

РАЗГОВАРИВАЮЩАЯ ВЕТЧИНА

У меня была знакомая Мария Петровна, толстая, как кадушка. Однажды, давно, она мне обещала подарить настоящую саблю и потом обманула — не подарила. Я целое утро её ждал, всё думал, как я буду играть этой саблей и порублю всех врагов моей любимой Кубы, но Мария Петровна меня обманула и не пришла. А я здорово обиделся на неё за это и всем рассказал эту историю, чтобы все про неё это знали и чтобы ей было стыдно. Но она всё равно продолжала своё гнусное дело и обманывала людей направо и налево. Встречных и поперечных. Она даже мою маму ухитрилась обмануть. И мама тоже на неё обиделась. А я хотя и долго злился на неё, но потом незаметно позабыл обо всём и стал жить по-прежнему. Как раз в это время я нашёл на вешалке мамин новый зонтик и сделал из него довольно приличную саблю. Правда, ею нельзя было

рубить врагов. Она от этого ломалась, особенно спицы. Они вылетали одна за другой. И материя рвалась. Но зато этой саблей можно было сколько угодно колоть и протыкать. И выходило, что это у меня не сабля, а скорее всего чудесная шпага. И хотя я давно уже мечтал превратиться в Чапая, но раз не было сабли, пришлось мне до поры до времени быть Д'Артаньяном. Ничего не поделаешь, Д'Артаньян, конечно, намного хуже Чапая, слов нет. Никакого сравнения быть не может. Ведь Чапай был красный, он дрался за то, чтобы всем бедным людям жилось хорошо, чтобы повсюду над Землёй реяло алое знамя Свободы, он был легендарный герой, у него была великая, благородная цель, а Д'Артаньян что? Конечно, он был храбрый, благородный и верный друг, но всё-таки он защищал одну только королеву, а это, как не верти, всё-таки маловато. Но раз у меня была шпага, тут уж хочешь не хочешь, а надо играть в мушкетёров. Я был Д'Артаньяном, Мишка — Атосом, Костик был у нас Арамис, а Алёнка была Кардинал Ришелье. Из нас, из мальчишек, никто не хотел быть Кардиналом Ришелье, потому что он был гад ползучий. А Алёнка про это не знала, мы ей не сказали — вот она и согласилась. Она попалась. Ну, мы её за это и погоняли же, вот это да! Однажды мы её поймали в ущелье, на восьмом этаже, и сейчас же заточили в Бастилию, в тюрьму. Тюрьма была в лифте. Мы её туда заточили и снизу вызвали лифт, а между шестым и пятым этажом остановили. Вот там-то наш Кардинал Ришелье часа полтора провисела. И всё время визжала. Вот железное здоровье! Потом её наш слесарь дядя Гриша выпустил. Смеху было — ужас!

Так что я до того был занят этими делами, что и думать перестал про толстую Марию Петровну и её подлые поступки. И все у нас дома её позабыли. И вдруг, однажды вечером, папа ни с того ни с сего спросил у мамы:

— Да! А где же «разговаривающая ветчина»?

— Ты о чём? — спросила мама.

— Я спрашиваю, а где же наша толстая «разговаривающая ветчина»? Неужели неясно?

— Ты спятил, — сказала мама, — я ничего не понимаю.

— А Денис понимает,— сказал папа,— верно, День? «Разговаривающая ветчина». Кого бы ты так назвал? Ну-ка? Подумай-ка!

А меня сразу осенило. Папа очень похоже подметил.

Я сказал:

— Всё ясно! «Разговаривающая ветчина»? Толстая, как кадушка? Да? Вся в побрякушках, цепочках и ленточках, да? Пахнет сухими и сладкими духами, да? Ой, кажется, это Мария Петровна!

Папа закричал:

— В точку!

И захохотал. И я за ним. И мама за мной. Мы до слёз хохотали.

Я даже стал икать. В эту минуту в коридоре зазвонил телефон. Я выбежал из комнаты и снял трубку.

Я сказал:

— Аллё! Кого надо?

А в телефоне кто-то взвизгнул. Да так, что у меня в ухе зачесалось. После взвизга в телефоне слышалось:

— Пригласите Анастасию Васильевну!

Я просто оторопел. Это была Мария Петровна — «разговаривающая ветчина». Я сразу узнал её голос. Только что про неё говорили. Такое совпадение. Надо же! Я сказал:

— Одну минуточку!

И побежал в комнату.

— Мама, — сказал я шёпотом, — в телефоне Мария Петровна! Она тебя зовёт.

У мамы сразу сделались испуганные глаза, она вскочила и торопливо отбежала к окну. А папа прямо закатился:

— Вот она — Ветчина-то! Легка на помине! Ай да Ветчина Окороковна. Только что про неё разговор пошёл, и тут как тут!

Тогда мама замахала руками:

— Меня дома нет! Дениска, поди скажи ей, что меня дома нет. Скорей!

Я снова побежал к телефону. А там уже Мария Петровна, что-то нетерпеливо кричала в телефон, и снятая трубка испуганно подпрыгивала на столике, так она вопила:

— Алло! Алло! Аллоу!

Я взял трубку. Честное слово, она билась в моей руке, как пойманная лягушка. Она квакала:

— Аллоу! Алло-у!

Я сказал:

— Вы слушаете?

— Да, — квакнула трубка, — я слушаю и всё напрасно! Я целый час тут торчу и слушаю!

В чём дело? Позовите Анастасию Васильевну!

— Её нету дома, — сказал я.

— Не может быть! — крикнула Мария Петровна. — Она в это время всегда дома. Ты что-нибудь спутала, девочка!

— Я не девочка, — сказал я, — и я ничего не спутал. Анастасии Васильевны нету дома. Она только что сама сказала. Русским языком.

— Ах, она сама сказала? — вскипела она. — САМА?

— Сама-сама! — сказал я. — Точно! Мама сама сказала!

— Ах, это ты Денис, — обрадовалась Мария Петровна, — Дениска, это ты?

— Нет, — сказал я, — это не я?

Она была совсем сбита с толку.

— Ничего не понимаю! Кто это говорит? Дениска, это ты?

— Да нет же, — сказал я сердито, — это не я говорю. Вам говорят.

Она зловеще захохотала:

— Ах, это не ты? Тогда кто же это, позвольте вас спросить?

— Это мой товарищ говорит, — сказал я.

— Ты скверный мальчик! — закричала Мария Петровна с такой злостью, что мне показалось, будто из трубки посыпались искры и повалил дым.

— Я всё расскажу кому следует! Что за шутки? Ишь! Ещё чего! Да как ты смеешь? Я тебя, знаешь что?

Я держал эту клокочущую трубку в руках и не знал, что мне делать.

Я совсем растерялся. Я сказал.

— Гражданка, а гражданка! Я говорю из автомата! Здесь столпилась целая очередь, а я всех задерживаю. Здесь надпись висит: «разговор сверх трёх минут воспрещается». Не кричите так! А то у меня лопнет перепонная барабанка! Не кричите, Ваше время истекло!

Но она всё кричала и захлёбывалась, и булькала, и трубка прямо раскалилась и жгла мне руку.

Тогда я взял и повесил её.

184085

Посвящается Косте Р.

НЕ ПИФ, НЕ ПАФ!

Когда я был дошкольником, я был ужасно жалостливый. Я совершенно не мог слушать про что-нибудь жалостное. И если кто кого съел, или бросил в огонь, или заточил в темницу, — я сразу начинал плакать. Вот, например, волки съели козлика, и от него остались рожки да ножки. Я реву. Или Бабариха посадила в бочку царицу и царевича и бросила

эту бочку в море. Я опять реву. Да как! Слёзы бегут из меня толстыми струями прямо на пол и даже сливаются в целые лужи.

Главное, когда я слушал сказки, я уже заранее, ещё до такого самого страшного места, настраивался плакать. У меня кривились и ломались губы, и голос начинал дрожать, словно меня кто-нибудь тряс за шиворот. И мама просто не знала, что ей делать, потому что я всегда просил, чтобы она мне читала или рассказывала сказки, а чуть дело доходило до страшного, как я сразу это соображал и начинал на ходу сказку сокращать. За какие-нибудь две-три секунды до того, как случится беде, я уже принимался дрожащим голосом просить:

— Это место пропусти!

Мама, конечно, пропускала, перескакивала с пятого на десятое, и я слушал дальше, но только совсем немножко, потому что в сказках каждую минуту что-нибудь случается и, как только становилось ясно, что вот-вот опять произойдёт какое-нибудь несчастье, я снова начинал вопить и умолять:

— И это пропусти!

Мама опять пропускала какое-нибудь кровавое преступление, и я ненадолго успокаивался. И так с волнениями, остановками и быстрыми сокращениями мы с мамой в конце концов добирались до благополучного конца.

Конечно, я всё-таки соображал, что сказки от всего этого становились какие-то не очень интересные: во-первых, очень уж короткие, а во-вторых, в них почти совсем не было приключений. Но зато я мог слушать их спокойно, не обливался слезами, и потом всё же после таких сказок можно было ночью спать, а не валяться с открытыми глазами и

бояться до утра. И поэтому такие сокращённые сказки мне очень нравились. Они делались такие спокойные. Как всё равно прохладный сладкий чай. Например, есть такая сказка про Красную Шапочку. Мы с мамой в ней столько напропускали, что

она стала самой короткой сказкой в мире и самой счастливой. Мама её вот как рассказывала:

«Жила-была Красная Шапочка. Раз она напекла пирожков и пошла проведать свою бабушку. И стали они жить-поживать и добра наживать».

И я был рад, что у них всё так хорошо получилось. Но, к сожалению, это было ещё не всё.

Особенно я переживал другую сказку, про зайца. Это короткая такая сказочка, вроде считалки, её все на свете знают:

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять,
Вдруг охотник выбегает...

И вот тут у меня уже начинало пощипывать в носу, и губы разъезжались в разные стороны, верхняя направо, нижняя налево, а сказка в это время продолжалась... Охотник, значит, вдруг выбегает и...

Прямо в зайчика стреляет!

Тут у меня прямо сердце проваливалось. Я не мог понять, как же это получается. Почему этот свирепый охотник стреляет прямо в зайчика? Что зайчик ему сделал? Что он первый начал, что ли? Ведь нет! Ведь он же не задирался? Он просто вышел погулять! А этот прямо, без разговоров:

Пиф-паф!

Из своей тяжёлой двустволки! И тут из меня начинали течь слёзы, как из крана. Потому что раненый в живот зайчик кричал:

Ой-ой-ой!

Он кричал:

— Ой-ой-ой! Прощайте все! Прощайте, зайчата и зайчихи! Прощай, моя весёлая, лёгкая жизнь! Прощай, алая морковка и хрустящая капуста! Прощай навек, моя полянка и цветы, и роса, и весь лес, где под каждым ей кустом был готов и стол и дом!

Я прямо своими глазами видел, как серый зайчик ложится под тоненькую берёзку и умирает... Я заливался в три ручья горячими слезами и портил всем настроение, потому что меня надо было успокаивать, а я только ревел и ревел...

И вот однажды ночью, когда все улеглись спать, я долго лежал на своей раскладушке и вспоминал беднягу зайчика и всё думал, как было бы хорошо,

если бы с ним этого не случилось. Как было бы по-настоящему хорошо, если бы только всё это не случилось! И я так долго думал об этом, что вдруг незаметно для себя пересочинил всю эту историю:

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять,
Вдруг охотник выбегает...
Прямо в зайчика...
Не стреляет!!!!
Не пиф! Не паф!
Не ой-ой-ой!
Не умирает зайчик мой!!!

Вот это да! Я даже рассмеялся! Как всё складно получилось! Это было самое настоящее чудо. Не

пиф! Не паф! Я поставил одно только короткое «не», и охотник как ни в чём не бывало протопал в своих подшитых валенках мимо зайчика. И тот остался жить! Он опять будет играть по утрам на росистой полянке, будет скакать и прыгать и колотить лапками в старый трухлявый пенёк. Эдакий забавный, славный барабанщик!

И я так лежал в темноте и улыбался, и хотел рассказать маме про это чудо, но побоялся её разбудить. И в конце концов заснул. А когда проснулся, я уже знал навсегда, что больше не буду реветь в жалостных местах, потому что я теперь могу в любую минуту вмешаться во все эти ужасные несправедливости, могу вмешаться и перевернуть всё по-своему, и всё будет хорошо. Надо только вовремя сказать: «Не пиф! Не паф!».

ГЛАВНЫЕ РЕКИ АМЕРИКИ

Хотя мне идёт уже девятый год, а я вот только вчера догадался, что уроки всё-таки надо учить. Любишь не любишь, хочешь не хочешь, лень тебе или не лень, а учить уроки надо. Это закон. А то можно в такую историю втяпаться, что своих не узнаешь. Я, например, вчера не успел уроки сделать. А нам было задано выучить кусочек из одного стихотворения Некрасова и главную реку Америки. А я, вместо того, чтобы учиться, запускал во дворе змея в космос. Ну, он в космос всё-таки не долетел, потому что у него был чересчур лёгкий хвост, и он из-за этого крутился, как волчок. Это раз. А во-вторых, у меня было мало ниток, и я весь дом обыскал и

собрал все нитки, какие только были — у мамы со швейной машины снял, и то оказалось мало. Змей залетел за чердак и там повис, а до космоса ещё было далеко.

И я так завозился с этим змеем и космосом, что совершенно позабыл обо всём на свете. Мне так было интересно играть, что я и думать перестал про какие-то там уроки. Совершенно вылетело из головы. А оказалось, никак нельзя было забывать про свои дела, потому что получился позор на всю Европу.

Я утром немножко заспался, и когда вскочил, времени оставалось чуть-чуть... Но я читал, как ловко одеваются пожарники, у них нет ни одного лишнего движения, и мне до того это понравилось, что я полета тренировался быстро одеваться. И сегодня я как вскочил и глянул на часы, то сразу понял, что

одеваться надо, как на пожар. И я оделся за 1 мин. 48 сек. весь как следует, только шнурки зашнуровал через две дырочки. В общем, в школу я поспел вовремя, и в класс тоже успел вомчаться за секунду до Раисы Ивановны. То есть она шла себе потихоньку по коридору, а я бежал из раздевалки, я был последний — ребят уже не было никого — и я, когда увидел Раису Ивановну издалека, я припустился во всю прыть и, не доходя до класса каких-нибудь пяти шагов, я обскакал Раису Ивановну и вбежал в класс. В общем, я выиграл у неё секунды полторы, и когда она вошла, книги мои были уже в парте, а сам я сидел рядом с Мишкой как ни в чём не бывало. Раиса Ивановна вошла, мы встали и поздоровались с ней, и громче всех поздоровался я, чтобы она видела, какой я вежливый. Но она на это не обратила никакого внимания и ещё на ходу сказала:

— Кораблёв, к доске!

У меня сразу испортилось настроение, потому что я вспомнил, что я забыл приго-

товить уроки. И мне ужасно не хотелось вылезать из-за своей родимой парты. Я прямо к ней как будто приклеился. Но Раиса Ивановна стала меня торопить:

— Кораблёв! Что же ты? Я тебя зову или нет?

И я пошёл к доске. Раиса Ивановна сказала:

— Стихи!

Чтоб я читал стихи, какие заданы. А я их не знал. Я даже плохо знал, какие заданы-то. Поэтому я ментально подумал, что Раиса Ивановна тоже может быть забыла, что задано, и не заметит, что я читаю, и я бодро завёл:

Зима. Крестьянин торжествуя,

На дровнях обновляет путь.

Его лошадка снег почуя,

Плетётся рысью как-нибудь!

— Это Пушкин, — сказала Раиса Ивановна.

— Да, — сказал я, — это Пушкин. Александр Сергеевич.

— А я что задала? — сказала она.

— Да! — сказал я.

— Что, да? Что я задала, я тебя спрашиваю? Кораблёв!

— Что? — сказал я.

— Что, что? Я тебя спрашиваю, что я задала!

Тут Мишка сделал наивное лицо и сказал:

— Да что, он не знает, что ли, что вы Некрасова задали? Это он не понял вопроса, Раиса Ивановна.

Вот, что значит, верный друг. Это Мишка таким хитрым способом ухитрился мне подсказать. А Раиса Ивановна уже рассердилась:

— Слонов! Не смей подсказывать!

— Да! — сказал я. — Ты чего, Мишка, лезешь? Без тебя, что ли я не знаю, что Раиса Ивановна задала Некрасова! Это я задумался, а ты тут лезешь, сбиваешь только.

Мишка стал красный и отвернулся от меня. А я опять остался один на один с Раисой Ивановной.

— Ну, — сказала она.

— Что? — сказал я.

— Перестань ежеминутно чтокать! — я уже видел, что она сейчас рассердится как следует. — Читай. Наизусть!

М Ж Ч К С Н Г Т А

— Что? — сказал я.

— Стихи, конечно! — сказала она.

— Ага, понял. Стихи, значит, читать? — сказал я. Это можно. И громко начал:

— Стихи Некрасова. Поэта. Великого поэта. Великого советского поэта Некрасова. Стихи...

— Ну! — сказала Раиса Ивановна.

— Что? — сказал я.

— Читай сейчас же! — закричала бедная Раиса Ивановна. — Сейчас же читай, тебе говорят! Заглавие!

Пока она кричала, Мишка успел мне подсказать первое слово. Он шепнул, не разжимая рта, но я его прекрасно понял. Поэтому я смело выдвинул ногу вперёд и продекламировал:

— Мужичонка!

Все замолчали, и Раиса Ивановна тоже. Она внимательно смотрела на меня, а я смотрел на Мишку ещё внимательнее. Мишка показывал на свой большой палец и зачем-то щёлкал его по ногтю.

И я как-то сразу вспомнил заглавие и сказал:

— С ноготком!

И повторил всё вместе:

— Мужичонка с ноготком!

Все засмеялись. А Раиса Ивановна сказала:
— Довольно, Кораблёв. Не старайся, не выйдет.
Уж если не знаешь, то уж не срамись.

Потом она добавила:

— Ну, а как насчёт кругозора? Помнишь, мы вчера сговорились всем классом, что будем почитать сверх программы интересные книжки? Вчера вы решили выучить названия всех рек Америки? Ты выучил?

Конечно, я не выучил. Этот чёртов змей совсем мне всю жизнь испортил. И я хотел во всём признаться Раисе Ивановне, но вместо этого вдруг, неожиданно даже для самого себя, сказал:

— Конечно, выучил. А как же?

Она сказала:

— Ну вот, исправь это ужасное впечатление, которое ты произвёл чтением стихов Некрасова. Назови мне самую большую реку Америки, и я тебя отпущу.

Вот когда мне стало худо. Даже живот заболел, честное слово.

В классе была удивительная тишина. Все смотрели на меня. А я смотрел в потолок. И думал, что сейчас уже, наверняка, я умру. До свиданья все. И в эту секунду я увидел, что в левом последнем ряду Петька Горбушкин показывает мне какую-то длинную газетную ленту и на ней что-то намалёвано чернилами, толсто намалёвано, наверное, он пальцем писал. И я стал вглядываться в эти буквы и, наконец, прочёл первую половину, а тут Раиса Ивановна снова:

— Ну, Кораблёв? Так какая же главная река Америки?

И у меня сразу же появилась уверенность, и я сказал:

— Миси-писи.

И дальше не буду рассказывать. Хватит. И хотя Раиса Ивановна смеялась до слёз, но двойку она мне вlepила, будь здоров. И я теперь дал клятву, что буду учить уроки всегда. До глубокой старости.

Миси-писи

ЗАКОЛДОВАННАЯ БУКВА

Недавно мы гуляли во дворе — Алёнка, Миша и я. Вдруг во двор въезжает грузовик. А на нём лежит ёлка. Мы побежали за машиной. Вот она подъехала к домоуправлению, остановилась, и шофёр с нашим дворником стали эту ёлку выгружать. Они кричали друг на друга:

— Легче! Давай заноси! Правея! Левея! Становь её на попа! Легче, а то весь шпич обломаешь.

И когда выгрузили, шофёр сказал:

— Теперь надо эту ёлку заактировать.

И ушёл.

А мы остались возле ёлки.

Она лежала большая, мохнатая и так вкусно пахла морозом, что мы стояли, как дураки, и улыба-

лись. Потом Алёнка взялась за одну веточку и сказала:

— Смотрите, а на ёлке сыски висят:

«Сыски»! Это она неправильно сказала. Мы с Мишкой так и покатались. Мы смеялись с ним оба одинаково, но потом Мишка стал смеяться громче, чтоб меня пересмеять.

Ну и я немножко поднажал, чтоб он не думал, что я сдаюсь. Мишка держался руками за живот, как будто ему очень больно, и кричал:

— Ой, умру от смеха! «Сыски»!..

А я, конечно, поддавал жару:

— Пять лет девчонке, а говорит «сыски!..» Ха-ха-ха!

Потом Мишка будто бы упал в обморок и застонал:

— Ах, мне плохо! «Сыски»!..

И стал икать:

— Ик!.. «Сыски». Ик! «Сыски»! Ой! Умру от смеха!.. Ик!

Тогда я схватил горсть снега и стал прикладывать его себе ко лбу, как будто

у меня началось уже воспаление мозга и, я сошёл с ума. Я орал:

— Девчонке пять лет, скоро замуж выдавать! А она «сыски».

У Алёнки от обиды нижняя губа скривилась так, что полезла за ухо.

— Я правильно сказала «сыски»! Это у меня зуб вывалился и свистит. Я хочу сказать — «сыски», а у меня высвистывается «сыски».

Мишка говорит:

— Эка невидаль! У неё зуб вывалился! У меня целых три вывалилось, да два шатаются, а я всё равно говорю правильно! Вот слушай: хыхки! Что? Правда, здорово? Хыххки! Вот как у меня легко выходит: хыхки! Я даже петь могу:

Ой, хыхечка зелёная,
Боюсь, уколося я.

Но Алёнка как закричит!
Одна громче нас двоих:

— Неправильно! Ура! Ты говоришь «хыхки», а надо «сыски»!

А Мишка:

— Именно, что не надо «сыски», а надо «хыхки»!

И оба давай орать. Только и слышно:

— Сыски!

— Хыхки!

— Сыски!

— Хыхки!

Глядя на них, я так хохотал, что даже проголодался. Я шёл домой и всё время думал: чего они так спорили, раз оба неправы? Ведь это очень простое слово. Я остановился на лестнице и внятно сказал:

— Никакие не «сыски». Никакие не «хыхки», а коротко и ясно: фыфки!

Вот и всё.

• ПЕРЦОВУ - 138
• ЧИЖИКОВУ - 238
• КОРАБЕВУ - 338

